

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.19

Правильная ссылка на статью:

Аникин В. А., Лежнина Ю. П., Мареева С. В., Слободенюк Е. Д. Запросы россиян на содействие государства: социальное инвестирование или социальная поддержка? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 345—366. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.19>.

For citation:

Anikin V. A., Lezhnina Y. P., Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D. (2019) Russian Public Demand for State Assistance: Social Investment or Social Support? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 345—366. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.19>.

В. А. Аникин, Ю. П. Лежнина, С. В. Мареева, Е. Д. Слободенюк ЗАПРОСЫ РОССИЯН НА СОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА: СОЦИАЛЬНОЕ ИНВЕСТИРОВАНИЕ ИЛИ СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА?

ЗАПРОСЫ РОССИЯН НА СОДЕЙСТВИЕ
ГОСУДАРСТВА: СОЦИАЛЬНОЕ ИН-
ВЕСТИРОВАНИЕ ИЛИ СОЦИАЛЬНАЯ
ПОДДЕРЖКА?

RUSSIAN PUBLIC DEMAND FOR STATE
ASSISTANCE: SOCIAL INVESTMENT OR
SOCIAL SUPPORT?

АНИКИН Василий Александрович — кандидат экономических наук, PhD, доцент, старший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: vanikin@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2316-4628>

Vasily A. ANIKIN^{1,2} — Cand. Sci. (Econ.), Ph.D. in Sociology, Assistant Professor, Senior Research Fellow; Senior Research Fellow
E-MAIL: vanikin@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2316-4628>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

² Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ЛЕЖНИНА Юлия Павловна — кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-MAIL: jlezhnina@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9720-3802>

МАРЕЕВА Светлана Владимировна — кандидат социологических наук, заведующий центром стратификационных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-MAIL: smareeva@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2057-8518>

СЛОБОДЕНЮК Екатерина Дмитриевна — кандидат социологических наук, доцент, научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-MAIL: eslobodenyuk@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4255-5050>

Аннотация. В статье на данных общероссийского репрезентативного исследования, проведенного Институтом социологии ФНИСЦ РАН весной 2018 г., рассматриваются запросы россиян к содействию государства, необходимого, по их оценкам, в их собственной жизненной ситуации. При классификации запросов по трем ключевым направлениям — политика на рынке труда, социальное инвести-

Yulia P. LEZHNIINA^{1,2} — Cand. Sci. (Soc. Sci.); Assistant Professor, Senior Research Fellow; Senior Research Fellow

E-MAIL: jlezhnina@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9720-3802>

Svetlana V. MAREEVA^{1,2} — Cand. Sci. (Soc. Sci.); Center Director, Center for Stratification Studies; Leading Research Fellow

E-MAIL: smareeva@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2057-8518>

Ekaterina D. SLOBODENYUK^{1,2} — Cand. Sci. (Soc. Sci.); Assistant Professor, Research Fellow; Research Fellow

E-MAIL: eslobodenyuk@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4255-5050>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

² Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. Drawn on the data of an all-Russian representative survey conducted by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences in spring 2018, the paper examines the Russians' demand for state support to solve daily problems. Arranging demands into three groups – labor market policy, social investment, and social support – the authors argue that the first group appears to be the most common. Labor

рование и социальная поддержка — наиболее распространенным оказался первый. Его предъявляет в основном молодежь, испытывающая проблемы с доступом к хорошим рабочим местам. Запрос на государственное содействие в области социальной поддержки в наибольшей степени формируется под влиянием особенностей индивидуальной ситуации — а именно, необходимости решения ряда материальных и жилищных вопросов, с которыми россияне, предъявляющие такой запрос, не могут справиться самостоятельно, ожидая от государства прямых трансфертов. Наиболее гетерогенна группа россиян, предъявляющих запрос на социальное инвестирование. Независимость от государства характерна для наиболее благополучной части населения, не сталкивающейся с серьезными проблемами, которые невозможно решить самостоятельно. Полученные результаты показывают, что ответ на формирующиеся запросы населения со стороны государства возможен только с помощью дифференцированных мер социальной политики с учетом гетерогенности запросов и их специфики в российских условиях.

Ключевые слова: общественное мнение, запрос населения на государственное содействие, социальное инвестирование, социальная поддержка, политика занятости, представления о государстве благосостояния, общественный договор

Благодарность. В данной научной работе использованы результаты проекта «Социальная политика, социальная стратификация, компоненты благосостояния населения и проявления нера-

market policies are important for young respondents struggling to access good jobs. Social assistance from the state is demanded by individuals who have a specific personal situation, more precisely, who have financial and housing problems which they are unable to tackle themselves. The group of Russians demanding social investment is extremely heterogeneous. The most prosperous part of the Russian population prefers to remain independent of the state as they do not face any problems they have to tackle. The obtained results show that the government should differentiate social policies to respond to public demands taking into account the heterogeneity of demands and their Russian specifics.

Keywords: public opinion, public demand for state support, social investment, social support, workfare policies, welfare attitudes, social contract

Acknowledgments. The paper uses the results of the project “Social policy, social stratification, components of social well-being and inequalities in Russia: an analysis of interactions at different

венства в России: анализ взаимосвязей на различных этапах жизненного цикла», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 году.

life stages” as part of the HSE Basic Research Program for 2018.

Запрос населения к социальной политике — достаточно широко освещаемая в литературе тема. Фокусом подобных исследований обычно выступают нормативные представления населения о роли государства в социальной сфере, оптимальной модели государства благосостояния или оценки конкретных мер социальной политики в отдельных сферах. Однако анализ концептуальных рамок нормативного социального запроса населения к государству может быть дополнен не менее важным аспектом — анализом конкретных запросов со стороны индивидов и домохозяйств на помощь и содействие государства в их собственной жизненной ситуации. Формирование такого запроса связано с особенностями реального положения индивидов и домохозяйств и конкретными проблемами, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни. При этом, поскольку сами сферы, в которых предъясняется этот запрос, и возможное содействие в них государства сильно варьируются, характеристики объективной ситуации, связанные с формированием конкретных запросов в разных сферах, могут различаться. Данная статья посвящена оценке степени распространенности различных типов запросов на поддержку и содействие государства среди российского населения и их дифференциации в различных сферах в зависимости от характеристик положения предъясняющих их россиян. Начнем рассмотрение этого вопроса с теоретико-методологических подходов к анализу и эмпирической оценке запросов населения к социальной политике, представленных в современной научной литературе.

Запрос населения к социальной политике: теоретический анализ

Традиционно изучение отношения населения к политике всеобщего благосостояния фокусировалось на вопросах степени солидарности населения и его готовности к государственному перераспределению ресурсов при решении тех или иных социальных. Интерес исследователей также привлекал вопрос объемов предпочитаемого/допустимого перераспределения и факторов, определяющих позицию населения по этому поводу. Отдельным направлением исследований служит изучение общественного мнения и предпочтений в вопросах социальной политики с привязкой к отдельной отрасли или даже реформе: в вопросах политики занятости, образования, пенсионного обеспечения, здравоохранения, семейной и детской политики. При этом запросы населения в отношении системы отраслевых предпочтений населения в этом блоке работ представлены крайне редко, хотя в условиях ограниченности ресурсов вопрос расстановки приоритетов становится одним из ключевых.

Представления населения относительно желаемой системы обеспечения общественного благосостояния изучаются в основном через отношение к общей ее логике применительно к обществу в целом. При этом отражение реальных про-

блем граждан на этих представлениях рассматривается в основном через совокупность определяющих общественное мнение факторов. В целом можно говорить о наличии некоторого академического консенсуса в трактовке того, что влияет на отношение к политике всеобщего благосостояния. Оно диктуется, в первую очередь, (1) собственными интересами населения [Blekesaune, Quadagno, 2003; Knijn, van Oorschot, 2008] и (2) идеологическими паттернами [Blekesaune, 2013; Edlund, 2006; Hasenfeld, RaVerty, 1989; Groskind, 1994, Jæger, 2006], которые в зависимости от позиций исследователей также могут дополняться спецификой социализации, паттернами национальной культуры в отношении социальной политики, текущей конфигурацией социальной сферы и т. д. [Blekesaune, 2013; Chung, Meuleman, 2017; Chung et al., 2018; Kootstra, Roosma, 2018 и др.].

Значимость индивидуальных интересов в вопросе восприятия политики всеобщего благосостояния и отдельных ее механизмов многократно подтверждена эмпирическими исследованиями. Достаточно развернуто в литературе продемонстрировано, что собственные проблемы того или иного характера или риск столкновения с ними повышают поддержку идеи государственного вмешательства в решение соответствующих вопросов (см., например, [Hasenfeld, RaVerty, 1989]). При этом зачастую жизненные условия и риск замеряются опосредованно: через персональные социально-экономические и социально-демографические характеристики. Например, считается, что специфика запроса к социальной политике со стороны женщин обусловлена их ролью в рождении и воспитании детей, запрос социально-профессиональных групп (с учетом образования, квалификации, типа профессиональной деятельности/классовой принадлежности) формируется не/стабильностью и не/защищенностью их позиций на рынке труда [Iversen and Soskice, 2001; Rehm, 2011; Edlund, 1999; Svallfors, 1997; Andres, Heien, 2001; Bean, Papadakis, 1993; Forma, 1999], запрос групп с относительно низким доходом — рисками низкого уровня жизни [Edlund, 1999; Cook, Barrett, 1992], запрос возрастных когорт — потребностями на конкретном этапе жизненного пути [Arts, Gelissen, 2001; Baute, Meuleman, Abts, 2018; van Oorschot, Meuleman, 2012]. В ряде случаев отмечается, что такие формы государственной поддержки, как система здравоохранения и пенсионного обеспечения, в силу того, что рано или поздно всем приходится к ним обращаться, не подвержены специфическому влиянию этих факторов. В то же время эти мотивации в ряде случаев дополняются и неэкономическими конструкциями — доверием [Edlund, 1999], расизмом [Alesina, Glaeser, 2004], отношением к мигрантам [Finseraas, 2008], религиозными убеждениями [Jordan, 2014; DeLa O, Rodden, 2008; Scheve, Stasavage, 2006] и т. д., что смыкает этот блок факторов с «идеологическими». Более того, при изучении влияния этих факторов на отношение к значимым параметрам социальной политики индивидуальный срез анализа дополняется страновыми характеристиками. Так, персональные особенности взглядов индивидов на вопросы поддержки перераспределения, сокращения неравенств и выравнивания жизненных шансов населения дополняются общекультурными особенностями восприятия этих явлений в той или иной стране, регионе и т. д., зачастую с отсылками к имеющейся модели государства всеобщего благосостояния.

При этом академическая повестка по изучению запроса населения к социальной политике, как и ранее, в основном фокусируется на анализе общественных представлений, но не на собственных проблемах и конкретных запросах. При этом в условиях кризиса существующей рамки государства всеобщего благосостояния именно понимание реального запроса, а не его представлений способно внести вклад в формирование новой логики и конфигурации социальной политики. Именно поэтому на примере России в рамках данной статьи мы сфокусировались на изучении конкретных запросов к государству со стороны населения с учетом персональных проблем.

Опыт изучения запросов российского населения к государственной социальной политике, как и населения иных посткоммунистических стран [Mason, Kluegel, Wegener 1995; Domanski, Heyns 1995; Salmina 2014], достаточно скромнен. С одной стороны, среди них, как и в мире в целом, есть исследования, посвященные неравенствам различного характера — одной из базовых категорий, на которых выстраивается государственная социальная политика [Gimpelson, Monusova 2014; Возьмитель 2016; Гимпельсон, Монусова 2014; Монусова 2016; Салмина 2012; Тихонова 2006; Шкаратан 2009 и др.]. Работы, анализирующие неравенство в отдельных социально значимых отраслях, включая образование и здравоохранение [Константиновский, 2018; Капуза и др., 2017; Шишкин, 2018 и др.], вообще составляют отдельный пласт в российской академической литературе. Однако они лишь отчасти затрагивают вопросы общественного мнения относительно неравенств и государственной политики в таких сферах, и этот ракурс при изучении неравенства является скорее исключением, чем правилом [Мареева 2018; Salmina 2014].

Отдельный интерес вызывает изучение запросов населения именно к системе государственной социальной политики. При этом, если в вопросе о роли государства в жизни населения достигнут практически полный консенсус (ее невозможно переоценить [Авраамова, 2006, Социальные неравенства..., 2008 и др.]), то система ее приоритетов в представлениях россиян, желаемая модель и ее конфигурации нечасто находятся в фокусе внимания исследователей. Редкие примеры соответствующих исследований дают понимание того, что для россиян неприемлема либеральная модель социальной политики, а более конкретные ожидания населения зависят от общей обстановки в стране, но всегда как минимум содержат запрос на четкое постулирование и стабилизацию «правил игры» в социальной сфере [Средний класс... 2016; Авраамова, 2006].

Проблематика запроса к социальной политике становится особенно актуальной в периоды переломов (притом и роста, и кризиса, и трансформации сложившегося порядка), когда обновление социальных, экономических или политических условий требует «донастройки» социального контракта между государством и обществом для определения условных «коридоров возможного развития» [Якобсон, 2006; Социальные неравенства..., 2008; Авраамова, 2006]. Сегодня, в период начала цифровой эпохи, усиления соответствующих неравенств и формирования нового социально-экономического порядка, вопрос обновления конфигурации социального контракта между населением и государством как никогда актуален. Более того, текущий, вероятно, последний период президентства В. В. Путина ста-

новится той точкой, когда этот «контракт», включающий общую логику социальной политики, может быть сформирован без крупных социальных потрясений. В следующих разделах статьи мы переходим к эмпирическому анализу запросов россиян на содействие государства в их личной ситуации, которые задают общие рамки и возможные границы для формирования подобного общественного контракта.

Методология исследования и эмпирическая база

Эмпирической базой дальнейшего анализа выступили данные восьмой волны мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах»¹. Восьмая волна была проведена весной 2018 г. по общероссийской двухступенчатой квотной выборке, объем выборки — 4000 респондентов от 18 лет и старше, представляющих основные социально-профессиональные группы населения, проживающих во всех территориально-экономических районах страны согласно районированию ФСГС РФ и репрезентирующих их население по полу, возрасту и типам поселений.

Для операционализации различных типов запросов на государственную поддержку в зависимости от конкретных жизненных обстоятельств использовался вопрос о необходимом государственном содействии; распределение ответов на него представлено на рис. 1².

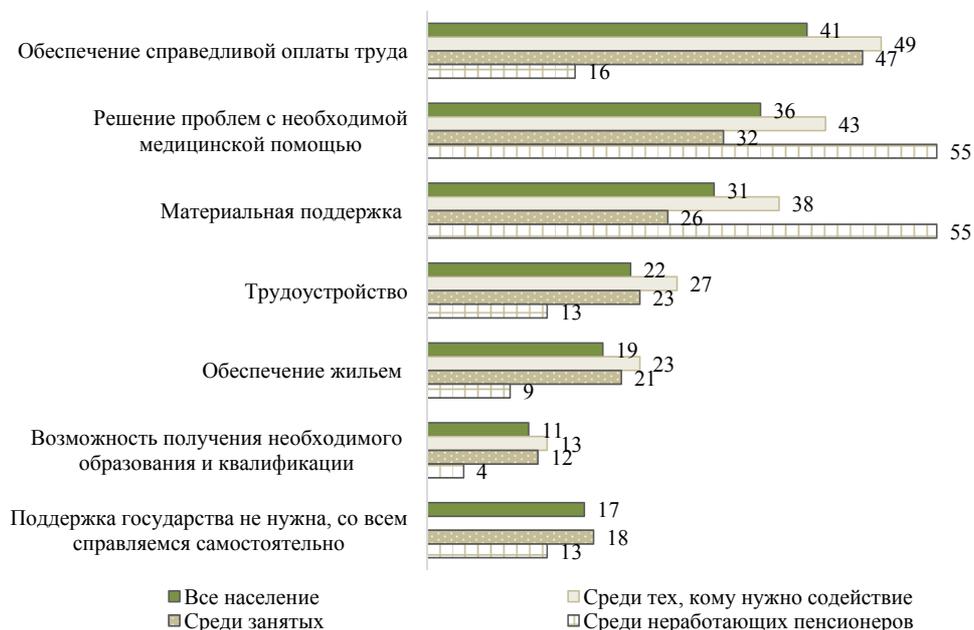

Рисунок 1. Проблемы, в решении которых населению необходима государственная поддержка, % (допускалось не более трех ответов)

¹ Базы мониторингового исследования созданы при финансовой поддержке РНФ.

² Точная формулировка вопроса: «В решении каких проблем Вашей семьи Вам в наибольшей степени требуется государственная поддержка и содействие?»; допускалось до трех вариантов ответа

Только 17% россиян утверждают, что государственное содействие ни в какой форме им не нужно, поскольку они в состоянии решить свои проблемы самостоятельно, что демонстрирует невозможность общественной легитимации в российском обществе курса на минимизацию государственного участия в социальной сфере. Среди остальных лидируют запросы на обеспечение справедливой оплаты труда и содействие в получении необходимой медицинской помощи, каждый из которых выбрали более трети россиян. Менее трети, но более четверти населения включили в свои запросы материальную поддержку от государства и помощь с обеспечением жильем. Замыкает рейтинг запрос на содействие государства в получении необходимого образования и квалификации. Неудивительно, что в разных группах населения эти запросы имеют разную актуальность и остроту — например, для неработающих пенсионеров и россиян предпенсионных возрастов наиболее остро выражены запросы на решение проблем с медицинской помощью и материальной поддержкой при неактуальности запросов, связанных с рынком труда.

С одной стороны, запросы населения формируются одновременно в разных сферах, с другой стороны, к одному и тому же направлению или функции социальной политики могут относиться разные конкретные запросы. С целью выделения разных типов запросов на государственное содействие конкретные запросы были разделены на три группы с учетом их отношения к различным функциям социальной политики (в частности, инвестиционной, подразумевающей формирование человеческого капитала страны, или гуманитарной, связанной с помощью наиболее нуждающимся слоям населения) и особенностей социальной реальности современного российского общества. Предложенная классификация типов запросов выглядит следующим образом:

- социальное инвестирование — получение необходимого образования и медицинской помощи;
- *социальная поддержка* — обеспечение жильем, материальная помощь³;
- *политика на рынке труда* — трудоустройство, обеспечение справедливой оплаты труда.

Схожая классификация общественных запросов предложена в недавно опубликованной статье Дж. Гарритцмана и его коллег [Garritzmann et al., 2018], хотя при этом исследователи опираются на нормативные представления, в то время как в фокусе нашего внимания — конкретные запросы на государственное содействие.

Для выделения «чистых» типов запросов использовалась следующая логика анализа. К группе с запросами на «социальное инвестирование», «социальную поддержку» и «политику на рынке труда» были отнесены респонденты, выбравшие одновременно оба варианта ответа, относящихся к соответствующей категории (третий вариант при этом мог отсутствовать или принадлежать к иной категории), а также те, кто выбрал один ответ в соответствующей категории, но этот ответ был единственным.

Отдельно были выделены предъявляющие «смешанный» тип запроса — те, кто не попал в одну из трех описанных выше групп, поскольку не продемонстрировал

³ Логика как материальной помощи, так и обеспечения жильем в рамках мер социальной политики связана с реализацией ее гуманитарной функции, поэтому для простоты восприятия результатов мы будем называть этот тип запроса запросом на социальную поддержку, понимая условность этого названия.

однозначные предпочтения определенного направления помощи, хотя и нуждался в ней. Наконец, пятую группу сформировали те, кто отметил, что вообще не нуждается в государственной помощи и справляется со всеми проблемами самостоятельно.

Распространенность различных типов запросов на содействие государства согласно предложенной группировке представлена на рис. 2.

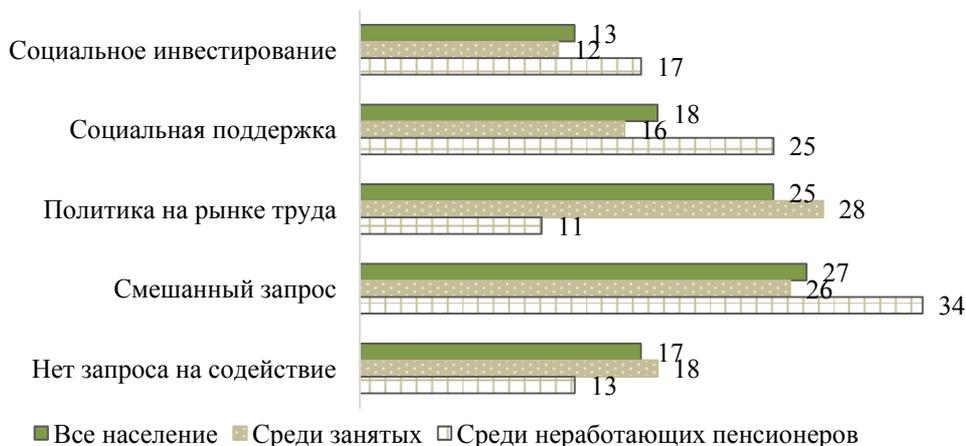

Рисунок 2. Различные типы запросов на содействие государства, %

Сравнение распространенности «чистых» запросов на определенное направление государственной помощи показывает, что наиболее популярен запрос на содействие государства на рынке труда — политику занятости. И помощь с трудоустройством, и справедливую оплату труда, или же один из этих вариантов при отсутствии любых других ответов выбрали 25% россиян в целом и 28% работающих. Далее следует запрос на социальную поддержку (помощь с жильем или материальную помощь), который предъявляют 18% населения. Наконец, наименее востребовано направление социального инвестирования (помощь с получением образования и медицинской помощи) — четкий запрос на него сформирован у 13% россиян.

Необходимо отметить, что достаточно многочисленна группа со смешанным запросом к помощи и содействию государства — она объединяет более четверти населения (27%). Это свидетельствует о том, что значительная доля россиян предъявляет запросы на помощь одновременно в разных сферах.

Характеристики россиян, предъявляющих разные типы запросов

Каковы же базовые социально-демографические и социально-экономические характеристики россиян, предъявляющих разные типы запросов на содействие государства, можно ли выявить дифференцирующие признаки для формирования разных типов запросов? Эмпирический анализ показывает, что большинство отклонений от общероссийских показателей невелики, однако при сопоставлении типов запросов различия становятся заметными и выявляют их специфику.

Россияне с запросом на **политику на рынке труда** — это чаще (32 %) молодежь в возрасте 18—30 лет (при 24 % по стране). Пенсионеров в этой группе мало (8 % лиц старше 60 лет при 18 % по стране), чего не наблюдается ни в одной другой группе. Такой возрастной состав объясним проблемами трудоустройства молодежи, имеющей малый опыт работы (или вовсе не имеющей такового) и уходом пожилых с рынка труда. Более того, даже в семьях этих россиян практически нет неработающих пенсионеров, в то время как нетрудоустроенных лиц трудоспособных возрастов в их составе больше, чем во всех остальных группах (21 % и 13 % при 29 % и 10 % по стране). При этом среди всех групп у рассматриваемой самые высокие показатели занятости (80 % при 72 % по стране) — как раз за счет малой доли пенсионеров, и по этой же причине среди всех возможных причин незанятости «иные причины» (не связанные с воспитанием детей, обучением или выходом на пенсию) здесь распространены больше всего — 18 % (при 13 % по стране), что также является наивысшим показателем среди всех групп. Таким образом, запрос на содействие на рынке труда исходит преимущественно от молодежи и лиц средних возрастов, которые зачастую имеют внешние проблемы с трудоустройством. О структурном характере проблем с занятостью говорят их субъективные оценки повседневности. Так, оценивая болезненные неравенства, влияющие на их жизнь и жизнь их родственников, они чаще остальных россиян говорят лишь о неравенствах 1) в доходах (что формирует запрос на справедливую оплату труда) и 2) в доступе к хорошим рабочим местам (78 % и 47 %, что является наивысшими показателями среди всех групп, в то время как по стране — 69 % и 34 %, и даже только среди работающих россиян — 70 % и 38 %).

Среди насущных повседневных проблем эти россияне чаще остальных заявляют лишь об одной — о невозможности реализовать в профессии (22 % — наивысший показатель среди групп, по стране — 17 %, в том числе среди работающих). Отметим также, что работающие представители этой группы чаще остальных занимают позиции рабочих средней и низкой квалификации (28 % — наивысший показатель среди групп, при 20 % по стране), что отражается на смещении гендерного баланса в пользу мужчин (57 % группы) по сравнению со страновым распределением (46 %). Последним штрихом к портрету группы является то, что в результате проблем с трудоустройством и оплатой труда эти россияне чаще остальных скатываются в бедность (23 % при 17 % по стране, что является наивысшим показателем среди всех групп). При этом, осознавая причины такого положения дел, они предъявляют запрос не на материальную помощь со стороны государства, а на решение институциональных проблем рынка труда, с которым, в первую очередь, связывают свое благополучие.

Таким образом, *запросы на содействие государства в отношении политики на рынке труда предъявляет в основном молодежь, испытывающая проблемы с доступом к хорошим рабочим местам и, как следствие, проблемы реализации в профессии. К ним добавляется проблема справедливой оплаты их труда, которая может быть связана как с объективными реалиями, так и с завышенными ожиданиями при выходе на рынок труда в условиях новых социально-экономических условий, отличающихся от ситуации недавних лет. Такой тип запросов практически*

в чистом виде является институциональной проблемой, которая требует разработки соответствующих мер для ее решения, несводимых к социальным трансфертам.

Запрос на **социальное инвестирование** исходит от более благополучной части населения, о чем свидетельствует большая представленность в их составе руководителей высшего звена и предпринимателей (5 % и 4 % при 3 % и 1 % по стране) и меньшая доля средне- и низкоквалифицированных рабочих (14 % против 20 % по стране) и, как результат, более высокий уровень среднедушевых доходов (51 % обладают доходами в интервале 1,1—2 прожиточного минимума (ПМ) и лишь 12 % — доходами менее 1 ПМ при 45 % и 17 % по стране). Объективно более благополучное положение подтверждается их собственными субъективными оценками повседневности — среди них меньше всего сетующих на свое материальное положение, ситуацию на работе и жилищные условия (18 %, 7 % и 7 % при 23 %, 12 % и 14 % по стране). Более благополучной выступает только группа россиян, вообще не нуждающихся в помощи государства, однако на них мы остановимся чуть позднее. Стоит отметить также, что практически две трети этой группы составляют женщины (61 % при 54 % по стране). По иным социально-демографическим и социально-экономическим характеристикам эти россияне мало отличаются от всего населения страны. Ключевой их особенностью выступает повышенная чувствительность к неравенствам в доступе к необходимым медицинским услугам (56 % заявляют, что страдают от этого лично — при 51 % по стране).

Более детальный их анализ демонстрирует, что эта группа имеет внутреннюю гетерогенность и распадается на две подгруппы, одна из которых представлена преимущественно пенсионерами (наиболее чувствительными к неравенствам в области медицинского обслуживания — недаром отдельный запрос на решение проблем с доступом к медицинской помощи предъявляется 55 % неработающих пенсионеров (при общестрановом показателе в 36 %), а вторая — семьями с детьми, обеспокоенными не только доступом к медицинскому обслуживанию, но и проблемами инвестиций в образование (свое и своих детей). Однако, несмотря на наличие внутригрупповых отличий, запрос на устранение институциональных проблем в доступе к медицинскому обслуживанию выступает базовой характеристикой этой части россиян, так как с иными сферами жизни у них проблем существенно меньше. То, что они не выделяют неравенство в доступе к образованию или возможность получения необходимого образования и знаний как проблемные сферы для себя, и в этом отношении их ответы схожи с ответами представителей других групп, демонстрирует, что соответствующий запрос формируется не только от реальной проблемы, но и от обеспокоенности будущей подготовкой детей с учетом традиционно высокой ценности образования в российской модели; это отличается от запроса на медицинскую помощь.

Важно отметить, что в целом запрос на социальное инвестирование носит в российских условиях иной характер, нежели в европейских. Так, в уже упоминавшейся статье Дж. Гарритцмана и коллег он связывается с более высоким уровнем образования и либертарианскими взглядами населения, формирующими запрос на раннее обучение, инвестиции в образование, переквалификацию и пр., в других работах прямо противопоставляется запросу на социальную компенсацию [Fossati, Hausermann, 2014], причем подчеркивается, что вмешательство

государства в этом случае направлено не на компенсацию различных рисков путем перераспределения, а на их предотвращение. Однако в России проблема социального инвестирования упирается прежде всего в необходимость решения институциональной проблемы доступа к качественной медицинской помощи, с которой сталкиваются представители разных социальных групп населения.

Таким образом, запрос на социальное инвестирование в российских условиях оказывается самым гетерогенным, и предъявляющие его россияне распадаются на две категории — обеспокоенных в первую очередь реальными проблемами своего здоровья и невозможностью получить требуемую медицинскую помощь (при этом достаточно благополучных в других сферах жизни), и испытывающих беспокойство в отношении получения образования для детей, причем скорее на нормативном уровне, связанном с традиционно высокой его ценностью в российской культуре, нежели в отношении реальных ограничений в доступе к требуемым образовательным услугам. В связи с этим можно предположить, что такой тип запросов формируется под влиянием как институциональных условий, так и особенностей индивидуальной ситуации, что требует дифференцированного подхода к разработке мер для ответа на него со стороны государства.

Запрос на **социальную поддержку** со стороны государства (помощь с приобретением жилья и прямую материальную помощь) исходит из семей с неработающими пенсионерами и инвалидами I и II групп (36% и 7% таких семей при 29% и 5% по стране). Несмотря на то, что численность семей с детьми во всех группах приблизительно одинакова (колеблется в пределах статистической погрешности), в этой группе чаще всего встречаются семьи, в которых родители отказываются от работы ради ухода за детьми (4% из числа всех неработающих представителей, в то время как по стране таковых вдвое меньше — 2%). По двум указанным выше причинам запрос на социальную поддержку чаще исходит от женщин, которых в составе этой группы большинство — 62% при 54% по стране. При этом запрос на материальную помощь в большей степени формируется со стороны домохозяйств с пенсионерами, а запрос на решение жилищной проблемы — со стороны домохозяйств с детьми. Уровень жизни этих домохозяйств практически не отличается от странового распределения и лишь немного занижен за счет меньшей доли благополучных (25% при 32% по стране) и большей долей среднедоходных семей (52% с доходами 1,1—2 ПМ при 47% по стране). Специфика их запроса объясняется также не столько их социально-демографическими и экономическими характеристиками, сколько проблемами, с которыми они сталкиваются. Эта часть россиян, по сравнению с населением в целом, чаще не удовлетворена своим материальным положением (30%), жилищными условиями (28%), досуговыми возможностями (26%), качеством одежды и возможностью ее обновлять (15% при 23%, 20%, 14% и 10% по стране, соответственно). Таким образом, на фоне всего населения страны и по сравнению с другими группами они сталкиваются с широким рядом проблем, связанных прежде всего с повседневным потреблением.

Обращение к болезненным неравенствам, влияние которых они испытывают на себе и своих близких, показывает, что эти россияне чаще других заявляют только о неравенствах в доходах и в жилищных условиях (74% и 48% при 69% и 36% по стране), что и формирует их запрос на содействие государства именно

в этих сферах. В отличие от первой группы, представители которой также часто говорят о неравенствах в доходах, но связывают это с проблемами на рынке труда, россияне из этой группы считают, что эта проблема может быть напрямую смягчена различными социальными трансфертами.

Таким образом, судя по результатам анализа, *запрос на социальную поддержку формируется под влиянием особенностей индивидуальной ситуации — а именно, необходимости решения ряда материальных и жилищных вопросов, с которыми россияне, предъявляющие такой запрос, не могут справиться самостоятельно.*

Группа, **не предъявляющая запроса на содействие государства**, существенно отличается от всех остальных групп своим благополучием. Это и более обеспеченные россияне (каждый второй — 55 % — имеет доходы выше двух ПМ на члена домохозяйства, в то время как по стране таковых всего 32 %), и более квалифицированная часть россиян (47 % — предприниматели, руководители разных уровней или специалисты с высшим образованием при 36 % среди населения в целом), и в меньшей степени обремененная иждивенческой нагрузкой (наименьшая доля семей с любыми типами иждивенцев в их составе). В результате они практически не склонны к негативной оценке различных сторон своей жизни. Из предложенного к оценке в инструментарии исследования списка, включающего в себя 18 различных сторон жизни, лишь две оцениваются ими как проблемные — экологическая ситуация в месте проживания и доступ к качественной необходимой медицинской помощи, в том числе платной. Напомним, что доступ к медицинским услугам является одной из самых существенных проблем, в решении которой более трети (36 %) россиян ожидают от государства реальных действий. Доля испытывающих проблемы в остальных 16 сферах жизни не превышает для этой группы 8 %. Потому при вопросе о том, какие из существующих в России социальных неравенств пагубно отражаются на их собственной жизни, практически каждый третий ответил, что таких неравенств нет (30 %, при значительно меньших показателях — 4 %-9 % — в других группах).

Таким образом, *независимость от государства характерна для наиболее благополучной группы россиян, не сталкивающихся, по их самооценкам, с серьезными проблемами, которые они не могли бы решить самостоятельно. Однако эта группа пока составляет в российском обществе меньшинство, что подчеркивает сохранение традиционных для большинства россиян представлений о ведущей роли государства в решении вопросов социальной сферы и не позволяет оценить потенциал минимизации этой роли как сколь-либо высокий.*

В целом проведенный анализ позволяет охарактеризовать предпосылки формирования выделенных запросов на содействие государства в различных сферах, связанные с особенностями положения и повседневной реальности предъявляющих их россиян. Сводные результаты анализа представлены в табл. 1.

Таблица 1. Ключевые характеристики россиян, предъявляющих разные типы запросов, в сравнении со страновыми показателями распределений

Характеристики групп	Нет запроса на содействие	Политика на рынке труда	Социальное инвестирование	Социальная поддержка
Специфика запроса к государству	Отсутствие запроса	Справедливая оплата труда и доступ к рабочим местам	Доступ к образованию и медицинским услугам	Материальная поддержка и обеспечение жильем
Гендерный баланс	В пользу мужчин	В пользу мужчин	В пользу женщин	В пользу женщин
Возрастной состав	—	Повышенная доля молодежи до 30 лет и пониженная — пожилых старше 60 лет	Пониженная доля лиц в возрасте до 40 лет	Повышенная доля лиц старше 60 лет за счет меньшей доли лиц 40—50 лет
Численность домохозяйств с иждивенцами разных типов	Пониженная по всем типам иждивенцев	Повышенная — незанятыми трудоспособными, пониженная — неработающими пенсионерами	—	Повышенная — инвалидами I и II групп и неработающими пенсионерами
Численность незанятых и причины незанятости	Несколько ниже, среди незанятых меньше пенсионеров, больше — учащихся ВУЗов и ПТУ	Ниже, среди незанятых значимо меньше пенсионеров, значимо больше — студентов ВУЗов и незанятых по иным причинам	Несколько выше	Несколько выше, среди незанятых выше доля пенсионеров и находящихся в декретном отпуске/ по уходу за ребенком
Среднедушевые доходы	Значимо выше доля обеспеченных (≥ 2 ПМ), за счет значимо меньшей доли бедных	Значимо выше доля бедных (< 1 ПМ), за счет значимо меньшей доли обеспеченных (≥ 2 ПМ)	Повышенная концентрация в среднедоходных слоях (1—2 ПМ) за счет меньшей доли бедных.	Повышенная концентрация в среднедоходных слоях (1—2 ПМ) за счет меньшей доли обеспеченных.
Профессионально-должностной состав	Повышенная доля руководителей и лиц на должностях, предполагающих наличие высшего образования или квалификации	Повышенная доля рабочих средней и низкой квалификации	Повышенная доля руководителей высшего звена и предпринимателей, пониженная — рабочих средней и низкой квалификации	Повышенная доля самозанятых и конторского пролетариата

Характеристики групп	Нет запроса на содействие	Политика на рынке труда	Социальное инвестирование	Социальная поддержка
Болезненные неравенства, негативно влияющие на индивида и его семью	В целом реже упоминаются, каждый третий заявляет об отсутствии таковых	Повышенная чувствительность к неравенствам в доходах и в доступе к хорошим рабочим местам	Повышенная чувствительность к неравенствам в доступе к необходимым мед. услугам	Повышенная чувствительность к неравенствам в доходах и жилищных условиях
Сферы повседневной жизни, оцениваемые индивидом негативно (повседневные проблемы)	Неудовлетворенность сферами повседневной жизни значительно понижена (проблем практически нет)	Повышенная неудовлетворенность невозможностью реализоваться в профессии	Пониженная неудовлетворенность материальной обеспеченностью, ситуацией на работе и жилищными условиями	Повышенная неудовлетворенность материальной обеспеченностью, качеством одежды, питания, жилищных условий, отношениями в семье и возможностями проведения досуга

Отметим, что достаточно велика группа россиян, предъявляющих смешанный запрос к содействию государства, которая на первый взгляд практически не отличается по своим характеристикам от населения в целом. Однако анализ состава и специфики повседневности представителей разных подгрупп со смешанным запросом показал, что группа объединяет в себе значительным образом отличающиеся жизненные ситуации — материальную нужду пожилых с плохим здоровьем, потребности благополучных семей с детьми, незанятость в трудоспособных возрастах, плохой доступ к медицинским услугам в сельской местности, глубокую бедность работающих бедных с детьми. Таким образом, к формированию смешанных форм запроса к содействию государства приводит гетерогенность тех повседневных проблем, с которыми сталкиваются россияне. Достаточно высокая численность таких россиян, положение которых характеризуется рисками и проблемами, требующими вмешательства государства в разных сферах, достигающая четверти населения, также демонстрирует необходимость проработки более гибких форм социальной политики, учитывающих индивидуальные жизненные ситуации.

Субъективные предпосылки формирования разных типов запросов

Выше мы рассматривали особенности формирования разных типов запросов, связанные только с объективными факторами. Однако запрос к государству может формироваться, в том числе, под влиянием ценностно-нормативных представлений о роли государства в целом, о собственных возможностях влияния на свою жизнь, а также оценки необходимого соотношения государственной поддержки и собственных усилий для решения жизненных проблем в разных сферах. Данные исследования позволяют посмотреть, различаются ли нормативные представления о роли государства среди представителей выделенных групп (табл. 2).

Таблица 2. Представления россиян из групп с разными типами запросов о функциях, которые должно выполнять государство, %

Государство должно...	Нет запроса на содействие	Политика на рынке труда	Социальное инвестирование	Социальная поддержка
Обеспечивать работой по специальности каждого, кто хочет работать	81	86	87	90
Обеспечивать справедливую оплату труда всех работающих	92	96	97	94
Обеспечивать нормальный уровень жизни честно отработавшим свое людям в старости	97	98	98	97
Обеспечивать прожиточный минимум безработным	76	83	82	84
Сокращать разницу в доходах между бедными и богатыми	73	82	82	85
Обеспечивать минимально необходимым жильем тех, кто сам не в состоянии это сделать	82	89	89	90
Обеспечивать медицинской помощью всех, кто в ней нуждается	97	97	97	96
Обеспечивать уход за детьми работающих родителей	77	79	83	84
Обеспечивать получение необходимого образования всем, кому это нужно	85	88	91	92
Выплачивать всем ежемесячно определенную сумму денег в качестве ренты от природных богатств страны	67	80	82	80
Обеспечивать равенство возможностей для детей из семей с разным достатком	89	92	91	91

Как видим, нормативные представления о том, что в обязанности государства входит широкий ряд функций, связанных с социальной политикой в разных сферах, в том числе и тех, в которых формируются конкретные запросы населения с учетом специфики их собственной ситуации, практически не дифференцируют между собой представителей рассматриваемых групп. И политику на рынке труда (трудоустройство и обеспечение справедливой оплаты), и социальную поддержку (обеспечение жильем и предоставление материальной помощи), и меры социального инвестирования (обеспечение доступа к образованию и здравоохранению) считают сферой ответственности государства более трех четвертей россиян в каждой из групп — даже среди тех, кто сам не предъявляет запроса на содействие государства. Показательно, что даже в этой группе 9 из 11 озвученных функций получают подавляющее большинство голосов (исключение составляют только позиции, связанные с сокращением неравенства и предоставлением всем «минимального базового дохода»).

Еще один связанный с этим сюжетом вопрос — дифференцированы ли представители разных групп с точки зрения распространенности среди них ценностей, связанных с принятием индивидуальной ответственности за свою жизнь

и внутренним/внешним локус-контролем, поскольку они также могут определять формирование запроса к государству. Данные показывают, что такие ценности в большей степени отличают представителей разных групп, нежели их нормативные представления о роли государства (см. табл. 3). Наиболее ярко выделяются те, кто не предъявляет запроса на содействие государства — они в подавляющем большинстве рассчитывают только на себя и считают, что жизнь человека зависит от его действий, а не от внешних обстоятельств. Более чем в половине случаев они также рассматривают бедность как результат собственных действий и решений людей, нежели как «провал» государственной политики. Все это качественно отличает их от представителей других выделенных групп; в результате солидарность с бедными и готовность к перераспределению среди них заметно ниже.

Среди особенностей других групп — максимальная доля тех, кто считает, что не сможет выжить без поддержки государства, в группе с запросом на социальную поддержку (выше мы уже отмечали специфику их ситуации как многомерного неблагополучия, причем решение этой проблемы они связывают с прямой помощью от государства); они же характеризуются доминированием внешнего локус-контроля, в целом не свойственного россиянам. Отметим наибольшую долю обвиняющих государство в проблеме бедности среди предъявляющих запрос на политику на рынке труда — поскольку, как было показано выше, и свое неблагополучное положение они связывают прежде всего с институциональными условиями в сфере занятости.

Таблица 3. *Некоторые ценностные ориентации россиян из групп с разными типами запросов, выбор в парах альтернативных суждений, %⁴*

Альтернативные суждения	Нет запроса на содействие	Политика на рынке труда	Социальное инвестирование	Социальная поддержка
Смогут сами обеспечить себя и свою семью и не нуждаются в поддержке со стороны государства	86	48	47	31
Без поддержки со стороны государства им и их семье не выжить	14	52	53	69
Человек сам кузнец своего счастья, и успех и неудачи — все в его руках	81	50	52	42
Жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями	19	50	48	58
Большинство из тех, кто находится сегодня в бедности, оказались в такой ситуации в основном по вине государства (низкие зарплаты, пенсии, недостаточность пособий и др.)	44	69	59	65

⁴ Серым фоном выделено максимальное значение по каждой строке.

Альтернативные суждения	Нет запроса на содействие	Политика на рынке труда	Социальное инвестирование	Социальная поддержка
Большинство из тех, кто находится сегодня в бедности, виноваты в этом сами — это следствие вредных привычек, лени, нежелания менять свою жизнь	56	31	41	35
Материальных успехов люди должны добиваться сами, а те, кто этого не хочет, пусть живут бедно — это справедливо	65	43	53	41
Надо проявлять гуманность, и те, кто материально преуспел, должны помогать и заботиться о тех, кто не преуспел	36	57	47	59

Таким образом, нормативные представления о ключевой роли государства в социальной сфере и необходимости активной политики в всех трех рассматриваемых сферах жизни населения являются консенсусными для всех групп россиян и не выступают предпосылками формирования разных запросов на содействие в отдельных сферах — ключевую роль в этом процессе играют объективные реалии повседневной жизни; при этом группы с разными запросами отличают ценностные ориентации, связанные с готовностью брать ответственность за свою жизнь и локус-контролем.

Заключение

Предметом рассмотрения данной статьи стали различные запросы на содействие государства в личной ситуации, предъявляющиеся разными группами россиян. Несмотря на общие для всего населения нормативные представления о необходимости активной государственной политики во всех анализируемых сферах, запросы россиян на содействие в их личной ситуации носят гетерогенный характер, и ответ на них со стороны государства возможен только с помощью дифференцированных мер социальной политики с учетом российской специфики. Так, запрос на содействие государства в отношении политики на рынке труда практически в чистом виде упирается в институциональные ограничения; запрос на содействие государства в сфере социального инвестирования связан с необходимостью решения насущных проблем со здоровьем, а не с потребностью в повышении инвестиций в человеческий капитал, и формируется под влиянием как институциональных условий, так и особенностей индивидуальной ситуации, в то время как запрос на государственное содействие в области социальной поддержки в наибольшей степени формируется под влиянием индивидуальной ситуации. При этом низкая доля «независимых» от государства в решении своих проблем россиян демонстрирует невозможность безболезненного сокращения масштабов деятельности государства в социальной сфере.

Список литературы (References)

- Авраамова Е. М. О пространстве возможностей реформирования социальной сферы // *Общественные науки и современность*. 2006. № 3. С. 18—22.
- Avraamova E. M. (2006) On the space of possibilities for reforming the social sphere. *Social Sciences and Contemporary world*. No. 3. P. 18—22. (In Russ.)
- Возьмитель А. А. Социальное неравенство и его риски в советской и постсоветской России // 2016. *Власть*. № 8. С. 5—13.
- Vozmitel A. A. (2016) Social inequality and its risks in soviet and post-soviet Russia. *Vlast*. No. 8. P. 5—13. (In Russ.)
- Гимпельсон В. Е., Монусова Г. А. Восприятие неравенства и социальная мобильность // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 2014. Т. 18. № 2. С. 216—248.
- Gimbelsion V. E., Monusova G. A. (2014) Perception of inequality and social mobility. *Higher School of Economics Economic journal*. Vol. 18. No. 2. P. 216—248. (In Russ.)
- Капуза А. В., Керша Ю. Д., Захаров А. Б., Хавенсон Т. Е. Образовательные результаты и социальное неравенство в России: динамика и связь с образовательной политикой // *Вопросы образования*. 2017. № 4. С. 10—35. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-4-10-35>.
- Kapuza A. V. Kersha Yu. D. Zakharov A. B. Khavenson T. E. (2017) Educational Attainment and Social Inequality in Russia: Dynamics and Correlations with Education Policies. *Educational Studies*. No. 4. P. 10—35. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-4-10-35>.
- Константиновский Д. Л. Измерение неравенства в образовании // *Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 16 / отв. ред. М. К. Горшков*. М.: Новый Хронограф, 2018. С. 171—191. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2018.8>.
- Konstantinovskiy D. L. (2018) Measurement of inequality in education. In: *Russia undergoing reform: yearbook*. Vol. 16. Ed. by M. K. Gorshkov. P. 171—191. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/ezheg.2018.8>.
- Мареева С. В. Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения // *Вестник Института социологии*. 2018. Т. 26. № 3. С. 101—120.
- Mareeva S. V. (2018) Social Inequities and the Social Structure of Modern Russia as Perceived by the Population. *Bulletin of the Institute of Sociology*. Vol. 2. No. 3. P. 101—120. (In Russ.)
- Монусова Г. А. Чем определяется восприятие неравенства в доходах // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60. № 1. С. 53—67.
- Monusova G. A. (2016) What Shapes the Perception of Income Inequality. *World Economy and International Relations*. Vol. 60. No. 1. P. 53—67. (In Russ.)
- Салмина А. Социальные запросы россиян к государству: факторы формирования и межстрановые сравнения // *Мир России*. 2012. Т. 21. № 3. С. 133—164.

Salmina A. (2012) Attitudes of the Russians towards income inequality and factors of their formation in comparison with other European countries. *Universe of Russia*. Vol. 21. No. 3. P. 133—164. (In Russ.)

Социальные неравенства и социальная политика в современной России / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой; Ин-т социологии Рос. акад. наук. М.: Наука, 2008. Social inequalities and social policy in modern Russia. (2008) Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tihonova. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / под ред. М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016. The middle class in modern Russia. The experience of years of research. (2016) Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tihonova. Moscow: Ves Mir Publishing House. (In Russ.)

Тихонова Н. Е. Оптимальная модель социальной политики в массовых представлениях // Социологические исследования. 2006. № 12. С. 9—10. Tikhonova N. E. (2006) The optimal model of social policy in mass representations. *Sociological studies*. No. 12. P. 9—10. (In Russ.)

Шишкин С. В. Экономические реформы в российском здравоохранении / Экономика здравоохранения. Издание 2-е, перераб. и доп. Засимова Л. С., Колосницына М. Г., Окушко Н. Б. и др. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2018. С. 393—433. Shishkin SV (2018) Economic reforms in the Russian health. Health economics. 2nd edition, revised and augmented. Zasimova, L.S., Kolosnitsyna, M.G., Okushko, N.B., et al. Moscow: GEOTAR-Media, P. 393—433. (In Russ.)

Шкаратан О. И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: Олма Медиа Групп, 2009. Shkaratan O. I. (2009) Socio-economic inequality and its reproduction of modern Russia. Moscow: Olma Media Group. (In Russ.)

Якобсон Л. И. Социальная политика: коридоры возможностей // Общественные науки и современность. 2006. № 2. С. 52—66. Jacobson L. I. (2006) Social Policy: Corridors of Opportunities. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 2. P. 52—66. (In Russ.)

Alesina A. (2004) Glaeser E. Fighting poverty in the US and Europe. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1007/s11615-005-0231-z>.

Andreß H.-J., Heien T. (2001) Four worlds of welfare state attitudes? A comparison of Germany, Norway, and the United States. *European Sociological Review*. Vol. 17 (4). P. 337—356. <https://doi.org/10.1093/esr/17.4.337>.

Arts W., Gelissen J. (2001) Welfare states, solidarity and justice principles: Does the type really matter? *Acta Sociologica*. Vol. 44(4). P. 283—299. <https://doi.org/10.1080/00016990152696385>.

Baute S., Meuleman B., Abts K. (2018) Measuring Attitudes Towards Social Europe: A Multidimensional Approach. *Social Indicators Research*. Vol. 137(1). P. 353—378. <https://doi.org/10.1007/s11205-017-1587-3>.

- Bean C., Papadakis E. (1993) Popular Support for the Welfare State: A Comparison between Institutional Regimes. *Journal of Public Policy*. Vol. 13. P. 227—254. <https://doi.org/10.1017/s0143814x00001057>.
- Blekesaune M., Quadagno J. (2003) Public Attitudes toward Welfare State Policies: A Comparative Analysis of 24 Nations. *European Sociological Review*. Vol. 19. No. 5. P. 415—427 <https://doi.org/10.1093/esr/19.5.415>.
- Blekesaune M. (2013) Economic strain and public support for redistribution: A comparative analysis of 28 European countries. *Journal of Social Policy*. Vol. 42(1). P. 57—72. <https://doi.org/10.1017/s0047279412000748>.
- Chung H, Taylor-Gooby P, Leruth B. (2018) Political legitimacy and welfare state futures: Introduction. *Social Policy Administration*. Vol. 52. P. 835—846. <https://doi.org/10.1111/spol.12400>.
- Chung H., Meuleman B. (2017) European parents' attitudes towards public childcare provision: The role of current provisions, interests and ideologies. *European Societies*. Vol. 19(1). P. 49—68. <https://doi.org/10.1080/14616696.2016.1235218>.
- Cook F.L., Barrett E.J. (1992) Support for the American Welfare State: The Views of Congress and the Public Columbia University Press, New York.
- De La O A.L., Rodden J. (2008) Does Religion Distract the Poor? Income and Issue Voting around the World. *Comparative Political Studies*. Vol. 41(4—5). P. 437—76. <https://doi.org/10.1177/0010414007313114>.
- Domanski H., Heyns B. (1995) Toward a Theory of the Role of the State in Market Transition: From Bargaining to Markets in Post-Communism. *European Journal of Sociology / Archives Européennes de Sociologie*. Vol. 36. No. 2. P. 317—351. <https://doi.org/10.1017/s0003975600007578>.
- Edlund J. (1999) Trust in Government and Welfare Regimes: Attitudes to Redistribution and Financial Cheating in the USA and Norway. *European Journal of Political Research*. Vol. 35. P. 341—370. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.00452>.
- Edlund J. (2006) Trust in the capability of the welfare state and general welfare state support: Sweden 1997—2002. *Acta Sociologica*. Vol. 49(4). P. 395—417. <https://doi.org/10.1177/0001699306071681>.
- Finseraas H. (2009) Income inequality and demand for redistribution: A multilevel analysis of European public opinion. *Scandinavian Political Studies*. Vol. 32(1). P. 94—119. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9477.2008.00211.x>.
- Forma P. (1997) The rational legitimacy of the welfare state: Popular support for ten income transfer schemes in Finland. *Policy and Politics*. Vol. 25 (3). P. 235—249. <https://doi.org/10.1332/030557397782453309>.
- Fossati F., Häusermann S.(2014) Social policy preferences and party choice in the 2011 Swiss elections. *Swiss Political Science Review*. Vol. 20(4). P. 590—611. <https://doi.org/10.1111/spsr.12115>.

- Garrizmann J. L., Busemeyer M. R., Neimanns E. (2018) Public demand for social investment: new supporting coalitions for welfare state reform in Western Europe? *Journal of European Public Policy*. Vol. 25(6). P. 844—861.
- Gimpelson V. E., Monusova G. (2014) Perception of Inequality and Social Mobility. NRU Higher School of Economics. Series WP BRP «Economics/EC». No. 84.
- Groskind F. (1994) Ideological influences on public support for assistance to poor families. *Social Work*. Vol. 39. No. 1. P. 81—89. <https://doi.org/10.1093/sw/39.1.81>.
- Hasenfeld Y., RaVerty J. A. (1989) The Determinants of Public Attitudes Toward the Welfare State. *Social Forces*. Vol. 67. P. 1027—1048. <https://doi.org/10.1093/sf/67.4.1027>.
- Iversen T., Soskice D. (2001) An Asset Theory of Social Policy Preferences. *American Political Science Review*. Vol. 95(4). P. 875—93. <https://doi.org/10.1017/s0003055400400079>.
- Jæger M. M. (2006) Welfare regimes and attitudes towards redistribution: the regime hypothesis revisited. *European Sociological Review*. Vol. 22(2). P. 157—170. <https://doi.org/10.1093/esr/jci049>.
- Jordan J. (2014) Religious belief, religious denomination, and preferences for redistribution: a comparison across 13 countries. *West European Politics*. Vol. 37(1). P. 19—41. <https://doi.org/10.1080/01402382.2013.814965>.
- Knijin T., van Oorschot W. (2008) The need for and the societal legitimacy of social investments in children and their families. *Journal of Family Issues*. Vol. 29(11). P. 1520—1542. <https://doi.org/10.1177/0192513x08319477>.
- Kootstra A., Roosma F. (2018) Changing public support for welfare sanctioning in Britain and the Netherlands: A persuasion experiment. *Social Policy and Administration*. Vol. 52(4). P. 847—861. <https://doi.org/10.1111/spol.12401>.
- Mason D. S., Kluegel J., Wegener B. (1995) Social justice and political change: Public opinion in capitalist and post-communist states. New York: A. de Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110868944>.
- Rehm P. (2011) Social policy by popular demand. *World Politics*. Vol. 63(2). P. 271—299.
- Salmina A. (2014) Social attitudes towards welfare policies in Russia and other European countries. *International Social Work*. Vol. 57(5). P. 459—469. <https://doi.org/10.1177/0020872814536414>.
- Scheve K., Stasavage D. (2006) Religion and Preferences for Social Insurance. *Quarterly Journal of Political Science*. Vol. 1(3). P. 255—286.
- Svallfors S. (1997) Worlds of Welfare and Attitudes to Redistribution: A Comparison of Eight Western Nations. *European Sociological Review*. Vol. 13. No. 3. P. 283—304. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.esr.a018219>.
- van Oorschot W., Meuleman B. (2012) Does popular support for welfare states depend on their outcomes? In: S. Svallfors (Ed.), *Contested welfare states: Welfare attitudes in Europe and beyond*. Stanford, CA: Stanford University Press. P. 25—57. <https://doi.org/10.11126/stanford/9780804782524.003.0002>.